18+

Чаровницы Клуб

Там, где лето

Аметист

Чарующие иNстории

Александра Ридеро Семенова
Там, где лето. Аметист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49789165
ISBN 9785449803351

Аннотация

В этом сборнике собраны истории, волшебные, магические, о невероятных мирах, о том, что в любом происшествии есть место чуду.Марафон в литературном клубе «Чаровницы слов» проходил осенью 2019 года в инстапространстве.

Содержание

О ЛЕТЕ. ВСТУПЛЕНИЕ 5
ВКУС ЛЕТА 7
Вкус лета 7
Искатель 13
Место встречи – Рай 20
Отщепенцы 27
ГЕНА 34
Генка крокодил 34
Крокодил Гена и шапокляк 39
Крокодил и сестрички 47
Два Гены, Шапокляк и Леонид Якубович 56
ДАР АМЕЛИНДЫ 62
Дар Амелинды 62
Ловушка для ведьмы 70
Шаманка Великих Степей 76
О чём молчат лошади 85
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Там, где лето. Аметист

Редактор Александра Семенова
Корректор Лиза Глум
Корректор Александра Семенова
Дизайнер обложки Александра Семенова

© Александра Семенова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0335-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О ЛЕТЕ. ВСТУПЛЕНИЕ

Там, где лето,
я вдыхаю морскую соль,
свет миллиардов умерших звёзд,
запах костра
____до утра.

слышу голоса волшебных существ
без особых стимуляторов и веществ,
и любовь сочится прикосновениями.

Там, где лето,
я живу лишь этим мгновением.

Где всегда лето?

Правильно, в нашей памяти. Стоит лишь закрыть глаза, и как наяву – брызги солнца, ароматы трав, солёное на вкус море, ожидание приключений и счастливый смех друзей и родных.

Оно наполняет нас силой на весь год. Потому что лето – это маленькая жизнь.

В этом сборнике закупорены словно в баночку летние ароматы – солнечные, яркие, терпкие и светлые… и живые эмоции… и стоит лишь погрузиться в чтение и вновь перед глазами вспыхнет лето и согреет вас в долгие зимние вечера.

Оно сохранено в замечательных, волшебных историях.

Ярких, нежных, сочных и теплых. Пахнущих хвоей и морем, тропическими фруктами и ягодами с огорода. Они о простых человеческих истинах – все мы стремимся к любви и к гармонии. И хотим привнести капельку магии и чуда в привычные будни.

Мы, прекрасные чаровницы слова, – Яна, Лиза, Полина, Надя и Саша – приглашаем вас творить, создавать миры для новых героев. Наш литературный клуб Чаровницы слов открыт для каждого, кто пишет или хочет научиться писать.

Добро пожаловать к @charovnitsy

ВКУС ЛЕТА

–

ЮЛИЯ КАРАБАНОВА

Вкус лета

Дверь кондитерской закрылась за последним посетителем. Робин вышел на крыльцо. Небо собиралось плакать. Он запер дверные ставни, отошел на пару шагов и оглянулся. Огромный торт в окружении маленьких пирожных зазывал посетителей. Запах выпечки стоял над улицей осязаемым туманом. Огромная витрина с его портретом в белой пилотке – его жизнь, его любовь – кондитерская Беркли.

Он брел домой, рассеянно кивая редким в этот час знакомым. На углу Соммерс и Генерала Коха, там, где надо было свернуть направо к дому, Роб остановился. Полли и детей там нет.

Идти наугад, хоть к мосту через Йорому – сейчас лучший выход. Правда, тогда ему никуда не скрыться от мыслей о Кейт – первой, любимой, единственной…

Каменная фигура святого Стоина молилась за всех. Ко-

гда-то возле него и они с Кейт клялись друг другу в любви. Целовались. Он накручивал завиток ее волос на палец вместо кольца. Свадьба была скромной, зато путешествие планировалось грандиозное… А ведь казалось, он все забыл!

Серая река шептала слова утешения. Сквозь прорехи облаков в ней отражались звезды. Он ненавидел звезды. Они забрали Кейт.

Вспоминать про это было больно. Каждый вечер он шел домой, не поднимая головы, чтобы не видеть небо, радовался тучам и туману. Но город сочился воспоминаниями.

…Это было как вчера. Экстренные выпуски новостей:

«Лайнер Олимп, следовавший по маршруту Земля – планета Рай, не вышел из гиперпространства. Пассажиры и экипаж объявлены пропавшими без вести, предположительно погибшими…»

«Планета Рай – традиционное место отдыха богатых землян и счастливых новобрачных…»

«Полеты через гиперпространство считаются абсолютно безопасными…»

«Совет директоров космической линии Земля – Рай уведомляет родственников о сроках обращения за страховым возмещением…»

Робин барахтался в липком вареве вины почти полгода. Его сняли с рейса – дурацкий аппендицит! – а вместо Кейт

сошла их однофамилица. Трогательная старушка сидела рядом в больничной палате, поглаживала карточку паспорта и тихо всхлипывала. Отворачивалась к окну и снова смотрела на Роба, словно надеясь, что вместо юноши появится ее муж.

Без Кейт жизнь потеряла смысл. Робин забросил архитектуру. Проектировать дома для счастливых семей больше не хотелось.

Страховка была огромной. Чтобы забыться, он купил старую кондитерскую и бросился в абсолютно незнакомое дело. Работники посмеивались над ним и крутили пальцем у виска, а он придумывал пирожные с новыми вкусами, делал новый дизайн, экспериментировал. Выставлял на продажу или снова переделывал – и так без конца.

А потом пришла Полли. Рыжие кудри и зеленые глаза. Сначала просто помогала за прилавком, потом стала администратором. Кажется, новые идеи рождались только от одного взгляда на нее.

Он создал десерты «Драгоценности». Необычные сочетания продуктов на слух вызывали шок, но стоило их только попробовать…

«Изумруд» – мята и грибы с тонким слоем вишневого мороженого. «Рубин» – клубника и томат с легкой облепиховой ноткой. «Бриллиант» – безе, наполненное плотной пеной имбирного пива. «Золотой слиток» из лукового марме-

лада с белым шоколадом. «Топаз», «Агат» и «Серебро» – каждый кусочек пирожного словно приобщал к роскоши. Шумиха была невероятной. Чокнутый или гений? Слава нашла Робина Беркли.

Ни одна девушка не могла ответить отказом на предложение, если к колечку шел его десерт. Ювелирные магазины встали в очередь. Заказы шли нескончаемым потоком.

Полли сказала, что беременна. Он пристроил к дому детскую, но не снял кольцо Кейт.

Когда сын немного подрос, они снова стали работать вместе, придумывали новые вкусовые сочетания. Он корпел над дозировками, добиваясь идеала. Проект «12 месяцев» занимал все его время. Зима на основе мороженого, осень из желе, хрупкая весна из пластинок ломкой карамели. И лето… Лето никак не давалось…

Вторая беременность Полли тоже протекала легко. Он снова переделал дом, пристроив новую комнату. Родилась девочка.

Солнечный свет робко заглядывал в палату. Робин взял малышку на руки и тихо выдохнул: «Кейт!» Губы Полли побелели. Она протянула руки и забрала дочку.

– София Вероника Менлер и Сэмюэль Натан Менлер! Моих детей зовут так! – ее голос дрожал.

Он растерянно захлопал глазами, повернулся и вышел в смятении. А когда приехал забирать ее из больницы, оказалось, она выписалась раньше и уехала не домой…

Вот так Робин и оказался сейчас на мосту, будто на перекрестке миров. В воде дробилось отражение ненавистных звезд. Сколько лет он прожил во сне? Почти четырнадцать. Жил страдая. Душа замерзла, словно мороженое. Не замечал Полли рядом, принимал любовь как должное. Пил ежедневно ее апельсиновый сок и не ценил…

Робин Беркли, самый знаменитый кондитер и глубоко несчастный человек, вдруг сделал шаг вперед, взялся руками за парапет, поднял голову к небу и закричал:

– Прощай, Кейт

Звезды молчали. Луна, выпуклая словно желток, цветом была похожа на манго. Он посмотрел на свои руки. Кольцо Кейт. Одно движение, и оно полетит в стылую воду. Раздастся тягучий всплеск… Оно прыгнет, как клецка в прозрачный сироп… А ведь манго будет отлично сочетаться с арбузом. И если взять за основу сырные клецки…

Роберт Шон Беркли обвенчался с Полианой Силестой Менлер 15 июля 2143 года, через месяц после той странной ночи. Гостей угощали десертами «12 месяцев».

Особенно всех поразил «Июль» – арбузный тартар на крошечных клецках с точками черного перца и желтком из мангового пюре. Это был дождь, нет, ливень! Икринки перца взрывались во рту точно молнии, но они не могли заглушить

всепобеждающий солнечный вкус манго.

Вкус лета.

Вкус счастья.

Вкус любви.

Искатель

– Нарисуй мне дракона!

Я вздрогнул и оглянулся. Миловидная девушка лет двадцати отделилась от стены дома и протянула руку. Черт! Какая девушка на пустой Земле? Конечно, это андроид. Чистенькая, словно только с конвейера.

– Как тебя зовут?

– Кейт.

– А что ты помнишь?

– Сначала только имя – Кейт. Еще – точно зовет кто-то. Голоса вокруг. Я спала, ждала, хотела проснуться, потом была вибрация, оказалась здесь, прилетел ты… Я правильно выражаюсь?

– Во всяком случае, я тебя понимаю.

Болтать мне было некогда, времени мало – приближалась пыльная буря. Надо все успеть.

– Давай так: помогаешь мне, находим тут кое-что, забираем и улетаем вместе.

– А дракона нарисуешь?

– Это вряд ли. Художник из меня никакой. Сказку могу рассказать. Устроит?

– Да.

Все время пока мы говорили, я, конечно, не бездельни-

чал. Выкатил скутер, распаковал и запустил дрон, настроил пеленгатор. Можно трогаться в путь.

Я не представился. Ричард Венс, искатель. Искатель чего – решайте сами: приключений, неприятностей, наживы. Сколько людей, столько и мнений. Разменял тридцать три стандартных земных, и за эти годы меня изрядно помотало.

Начинал я как репортер Хроники, с кем только ни общался. Обзавелся связями от военных до библиотекарей. Выполнял разные поручения. И деликатные, и за деньги. Я всегда работал только один. Никаких привязанностей – мой девиз. Уж очень дорого они обходятся, особенно женщины. Оставляют глубокие раны. Вот хотя бы Мойра… Простите, отвлекся!

По случаю приобрел военный межпланетный челнок. Восстановил, назвал «Совой», стал рассекать между планетами. Когда пошли первые слухи об эвакуации с Земли, выхлопотал себе особый статус. Вскоре все стало очень серьезно. Личный космический флот реквизировали. А я мотался между Венерой и Марсом, с «миссией» – вел переговоры о переселении ВИП-персон. Но большие деньги не всегда помогают. Не в этот раз. Условия и там, и там – не ахти. Венера – с кислотными дождями (филиал Земли, даже хуже), Марс – подземные колонии (как и на Луне). Особые привилегии отдельным семьям никто предоставлять не собирался. В результате все человечество переселилось на Луну, перед этим сильно поредев от воздействия экологии. Я

ненадолго остался не у дел. Занимался чем придется, даже немного шпионил для военных. Спасибо одному Генералу – всегда находил для меня работенку!

Через пару лет после Эвакуации, когда жизнь на Луне наладилась и первые запреты были сняты, началось новое поветрие, очень для меня выгодное. Пара заказов в месяц делала меня богатым. Да и летать на Землю мне нравилось.

Я даже придумал целый «ритуал встречи». Где-то за полчаса перед спуском брился, наносил защитный крем и выходил из «Совы» без шлема. Несколько минут подставлял лицо ветру и воздуху. Запускал пальцы в песок и пересыпал его с ладони на ладонь. Вдыхал зной. Конечно, кожа быстро начинала чесаться, першило горло и подступал кашель. С легким жужжанием над головой появлялся «аквариум», и походный скафандр становился герметичным. Зачем я рисковал? Проведите большую часть жизни в закрытых помещениях, и вы не будете меня об этом спрашивать.

Новый заказ привел меня в городок Самерсвиль. Он уже где на метр, где на два утопал в песке. Природа уничтожала следы людей, будто нас здесь и не было. И над горизонтом уже встала следующая пыльная буря. Хорошо, если у меня есть хотя бы два часа…

Кейт я посадил на скутер перед собой. Разговаривать не получилось.

Долетели быстро. Дрон застыл над нужным местом, пе-

ленгатор чуть попискивал, точка на экране не шевелилась. Я бы предпочел, чтобы она двигалась… Жив или мертв?

А вот и дом. Сделали над ним круг, я осмотрелся. Песок вровень и выбитым окном, есть еще одно разбитое. Поставил возле него девушку, сказал, что делать, если прыгнут, а сам медленно двинулся внутрь. Глаза постепенно привыкли к темноте. Из угла донеслось рычание. Вот вы где! Несколько худых силуэтов поднялись на четыре лапы. Один из них – мой «заказ». Главное, чтобы не побежали раньше времени. Ищи потом по всему городку! А буря-то на подходе…

Но я уже знал, от чего ни одна собака не откажется. Достал миску и стал медленно наливать воду. Бульканье и плеск заворожили псов, они медленно приблизились, потом вожак стал жадно лакать. Их мучила жажда. Я снова и снова наполнял миску, пока не напились все.

А вот и «мой» далматинец. Ридер подтвердил – чип его. Еще несколько минут, и подействует снотворное, растворенное в воде. Загружу в клетку и махнем обратно на «Сову». Заказчик будет рад.

Если вы забыли – животных во время эвакуации вывозить запрещалось. Лунные уровни были не приспособлены для их содержания. Задача стояла: в короткие сроки вывезти людей, не дать им погибнуть. Человек важнее. Человечеству надо выжить. А уже потом, когда новое жилье стало для всех привычным, вопрос о братьях наших меньших возник

снова. Сначала решились на небольшой эксперимент. Кое-какое переоборудование, налог на содержание, заоблачные цены на клонирование. И вот сейчас новая мода: не просто купить клон, а заказать розыск своей, оставленной на Земле собаки. Вероятность найти живой? Пятьдесят процентов. Деньги вперед!

Мы успели стартовать до бури. Мне было непривычно видеть в кресле рядом с собой девушку (язык не поднимался назвать ее андроидом или роботом).

– Скажи, а зачем тебе рисунок дракона?

– Мне кажется, если я увижу – вспомню. Я очень хочу знать, что случилось, но не могу. Сплю. И сейчас тоже. А что за сказка про дракона?

– А, сказка… Она про собаку, которая хотела стать драконом.

– Расскажи!

– В давние времена жил был пес Драг. И была у него мечта. Хотел он стать огромным, грозным, и чтобы все его боялись. Спросил он кота, но тот не знал, как стать драконом. Лишь старый ворон встрепенулся: «За бухтой есть гора, в ней бурчит что-то, может быть, дракон ворочается. Ты к горе сходи». Думал Драг, как к горе подобраться, тут как раз его человек на охоту собрался, вот и пошли они вместе. Шли, шли, поднялись высоко. Видят – пещера. Зашли в нее, там Драг вопрос и пролаял. Только вдруг и ответ услышал:

«Оставь здесь своего человека, а сам вниз ступай. Как человек сгинет, ты драконом и станешь!» Сильно задумчивый Драг с горы спустился…

– Что, стал драконом?

– …и всем рассказал про свой поход. С тех пор каждая собака эту легенду знает, только драконов в наших краях как не было, так и нет.

Кейт смеялась. Мне понравился ее смех. И родинка над правой бровью… Стоп! Откуда родинка у андроида? Наверное, пыль… Я тоже рассмеялся.

– Ты сам придумал?

– Нет, конечно! У меня в детстве была книга «Сказки далеких земель».

– А собаку нарисуешь?

Я быстро нарисовал силуэт: морда, уши торчком, четыре лапы и хвост. Внезапно она стала серьезной:

– Не надо дракона. Теперь я тебя узнаю.

Звякнул вызов, по экрану пробежали помехи.

– Венс, рыжий-бесстыжий, ты чего на связь не выходишь? Удачно слетал? – это Салли, мой администратор. Находит мне работу, правда, процент берет неслабый!

– Привет, Пиранья! Нашел потеряшку. Заказчика можешь обрадовать.

– Но это же не все? Там была стая? Всех забрал?

– Конечно! Еще пять собак, одна с чипом, принимай дан-

ные.

– Отлично! Сейчас объявлю аукцион, деньжат поднимем!

Я решил познакомить Кейт и Салли, пока девочки не стали задавать вопросы друг о друге, но кресло рядом оказалось пустым. Как она могла незаметно уйти? Я обежал «Сову»: две каюты, трюм, машинное. Никого. Нет! Не может быть! Запустил запись с камер и совсем растерялся: я все время был один! Что за мистика?!

Похоже, мне пора заканчивать с «ритуалом встречи».

Я спустился в трюм. В клетках на мягких подстилках спали собаки. Шесть взрослых и щенок. Не удержался, взял на руки маленький рыжий комочек. На меня глянул сонный глаз, передние лапы вытянулись, малыш зевнул и мимоходом лизнув руку, снова уснул.

Я вернулся в рубку, сел в кресло. Смотрел на приближающуюся Луну, пустое место рядом, и гладил щенка. А мысли были заняты девушкой по имени Кейт. Реальная, или плод моего воображения, но она неуловимо изменила атмосферу корабля. Я больше не хочу быть один.

Щенок, я назову тебя Драгом. Как ты думаешь, мы найдем ее?

Место встречи – Рай

Второй день на космическом лайнере «Олимп» все были погружены в уныние. Уже больше суток дружелюбные жители планеты Рай предлагали им переселиться в отель и смириться с неизбежным. Но ни пассажиры, ни экипаж не покидали корабль.

Совсем недавно они стартовали с Земли, чтобы провести незабываемый месяц отдыха на берегу розового океана. Турагентство обещало полную эмоциональную перезагрузку. Позади две недели криосна, нервное пробуждение после выхода из гиперпространства, восторг от появления на экране прекрасной планеты. Изумрудная атмосфера, нежная акварель желтых материков, розовые волны и темно-синий квадратик посадочной площадки. Они приземлились, вышли из корабля и долго ждали, когда же за ними придут. Одна пожилая чета стала громко возмущаться: «Деньги за круиз оплачены немаленькие, сервис должен быть соответствующий!»

Время тянулось долго. Какой-то дедушка никак не мог отыскать жену, а Кейт все не находила мужа. Вдруг вдали послышалось легкое жужжание. Маленький воздушный скутер пронесся над цветочными кустами и, сделав вираж, остановился перед пестрой толпой отдыхающих. Из него вы-

шел невысокий гуманоид, излучавший спокойствие и радость с легкой примесью удивления. Он попросил подойти к нему капитана.

– Не может быть, я должен проверить, – капитан Орвуд в небывалом волнении побежал к кораблю.

Потянулись минуты ожидания. Никто не понимал, что происходит. Наконец из динамиков раздался голос:

– По неизвестной мне причине, наш полет занял почти двести лет. Я пытаюсь связаться с Землей, ответа пока нет. Думаю, всем лучше не расходиться и ожидать информации здесь.

Рядом с Кейт громко заплакала блондинка. Она била кулаками мужа, и кричала: «Нет, не верю!» Кейт и самой хотелось рыдать на груди у супруга, только Робина нигде не было. «Сначала я его найду, потом буду плакать», – решила она и повернула к кораблю.

Пока все пребывали в растерянности и думали, как поступить, вернуться или остаться, Кейт отыскала рубку. Капитан нависал над связистом, тот нервно нажимал кнопки, переключал частоты, бормотал непонятные позывные. Экран был пуст.

– Земля, ответьте «Олимпу»!

Вдруг шипение и помехи сменились яркой картинкой диспетчерского пункта.

– Луна-15. Повторите ваш позывной.

– «Олимп». Это «Олимп»! Стартовали с Земли 12 мар-

та 2129 года. Туристический рейс на планету Рай. Достигли поверхности сегодня. Корабельное время 26 марта 2129 года. На борту сто восемьдесят… точнее сто семьдесят восемь пассажиров. Двое, супруги Беркли, сошли до старта. У мужчины случился приступ аппендицита.

Во время доклада в диспетчерской было тихо. Наконец человек на том конце прокашлялся и произнес:

– Межпланетная дата Солнечной системы – 18 января 2322 года, пять лет после полной эвакуации с Земли на Луну.

Вот тогда Кейт Беркли позволила себе заплакать.

Президент Объединенного Человечества Сэмюэль Фолинг внимательно слушал доклад о появлении корабля с землянами возле планеты Рай. В окно Овального кабинета заглядывали крупные звезды. Всего несколько человек были приглашены на совещание. Докладывал министр по связям с Галактическим Советом (ГС).

– «Олимп» – один из трех пассажирских межпланетных лайнеров. Они пропали примерно в одно и то же время. Галактический Совет разослал предупреждение о временно́м шторме, но его проигнорировали.

– Почему?

– Темная история. Там были замешаны венерианские противники галактической интеграции. А в результате мы потеряли корабли, способные пересекать гиперпространство.

– Есть ли вероятность, что другие тоже объявятся?

– Всё возможно… Землян с Рая насильно депортировать не будут. Они считаются «потерпевшими кораблекрушение».

– Поднимите всех юристов. Мне нужно знать законные основания для иммиграции на Рай. Есть ли что-нибудь про «воссоединение семей»? Отправьте повторный запрос в Галактический Совет на поиск места для переселения.

– Сэр! ГС считает нас варварами, погубившими свою планету. Нам предлагают заведомо неприемлемые варианты…

– Направляйте! И найдите человека, которого можно отправить на Рай. Пусть выяснит отношение местных к тому, что землян может стать больше, проведет тайные переговоры. Кстати, что там – правительство, король, президент? А, неважно! «Олимп» нужно вернуть.

– Капитан и экипаж отказываются. Мы не можем их заставить.

– Отправьте туда военных. Кстати, у нас есть техническая возможность совершить перелет?

– Наш единственный военный крейсер располагает…

– Отлично!

– Но мы останемся без защиты от возможного…

– На карту поставлено гораздо больше! Если Рай примет нас…

В кабинете стало тихо. Все задумались о перспективах. Над горизонтом поднималась Земля. По серому диску двигался огромный антрацитовый циклон.

Генерал Уолоф стремительно вышел из кабинета Президента, на ходу бросив помощнику: «Найдите мне Ричарда Венса!»

Пассажиры «Олимпа» не пытались осмыслить случившийся временной скачок. Наверное, только капитан да кое-кто из команды задумывались над очередной загадкой космоса. Подобно непредсказуемым выбросам солнечного ветра, наполненным радиацией, кротовую нору, по которой двигался «Олимп», зацепил временнóй шторм. Это было щупальце погибающей в черной дыре звезды. Космический корабль подхватило, закружило в спиральном вихре. Пространство вокруг состарилось на двести лет. Но не лопается пена на гребне волны – поверхностное натяжение воды сохраняет пузырьки воздуха невредимыми. Так и «Олимп» остался с неизменным временем внутри. Было это везением и могло ли быть наоборот – здесь, на планете Рай, думать никому не хотелось.

И, конечно, даже не обсуждалась возможность возвращения на Землю. Новости о родной планете, о том, что она теперь необитаема, лишь укрепили их в этом решении.

Кейт печалилась и сожалела. Жизнь изменилась слишком быстро. Еще вчера она – счастливая новобрачная, впереди сказочный медовый месяц и долгие годы с любимым в уютном доме на окраине Самерсвиля. А сейчас – нет ни мужа, ни планеты.

Сначала Кейт часто вспоминала Робина. Как он любил свою работу архитектора – придумывал и проектировал необычные дома. У него было много клиентов, он словно читал их мысли и воплощал мечты.

Но для их семьи купил стандартный, маленький и одноэтажный домик. Смеясь, говорил: «Он будет расти вместе с нами. Сначала я пристрою мастерскую для твоих занятий музыкой. Когда у нас родятся дети, спроектирую комнаты для каждого. Ни у кого не будет такого дома. Может быть, он будет похож на замок, а может, и на сарай!» Еще Кейт вспоминала, как Робин постоянно для нее рисовал: в блокнотах, на салфетках, на чеках – все, что она просила – зверей, птиц, драконов, необычные пейзажи. Казалось, он оживляет ее фантазии, те, о которых она сочиняла музыку.

Незаметно прошло три месяца. Дни были заняты работой – земляне строили поселок, а ночью снились удивительные сны, больше похожие на видения. В них Кейт то жила под водой, то умела летать, иногда она была ветром и даже снегом, иногда видела людей и разговаривала с ними. Наутро после такого сна приходила новая мелодия. Гитарные струны подхватывали то, что напевало сердце. И постепенно тоска по Робину отступила.

Она полюбила рассветы на берегу океана, когда его цвет менялся от сиреневого к розовому, а ветер взбивал кружевные брызги. Странные существа поднимались из глубин

и парили над водой. Их мелодичные крики напоминали песни. Покой и безмятежность окружали и убаюкивали. Кейт наслаждалась. Одиночество уже не тяготило. Ей стали сниться новые сны. В них она летала между звезд и была счастлива. И странные мысли о том, что скоро жизнь изменится, приходили все чаще.

Однажды она проснулась незадолго до рассвета и знакомой тропинкой побежала к океану. Тихие теплые волны касались босых ног. Но в этот раз пляж не был пустым. Незнакомый мужчина сидел на берегу и пропускал сквозь пальцы белый песок. Рядом лежал пес. Внезапно в три прыжка собака оказалась рядом с ней, обошла вокруг, обнюхала, ткнулась носом в коленку и легла у ног.

Мужчина поднялся.

– Драг, рыжий идиот, вернись! Ко мне!

Кейт присела и стала гладить пса, а он подскочил и побежал к хозяину, потом снова к Кейт. И продолжал бегать между ними, пока они подходили все ближе друг к другу.

– Как тебя зовут?

– Кейт.

– А я – Ричард. Хочешь, я расскажу тебе сказку, Кейт?

Белый песок лизали розовые волны, теплый ветер раскачивал верхушки бирюзовых деревьев. Кейт Беркли, Ричард Венс и Драг встречали новый день под солнцем Рая.

Отщепенцы

Я родился на Луне шестнадцать лет назад, в год полной эвакуации людей с Земли. У меня была старшая сестра, но она не адаптировалась и тихо угасла. Наша семья имеет статус Кей. Это не Эй, но и до Зет тоже далеко. У родителей есть работа на младших должностях и отдельный отсек из двух маленьких комнат. Они очень радовались, когда им дали разрешение сначала на одного ребенка, потом и на второго. Так у меня появилась сестренка Дарси. Но больше перемен не было, это – потолок, выше им не подняться. У нас нет бабушек, дедушек и подтвержденных родственников. Значит, и я после школы буду кем-то из младших по должности: может быть, грузчиком, возможно, помощником интенданта. Могу стать санитаром. Но никак не пилотом. Хотя мои тесты и реакции на летном тренажере лучшие в классе. Учитель Ларго так и сказал: «Чтобы стать пилотом, кроме хороших показателей нужен хороший депозит».

Я пытался накопить профессиональный взнос, как мог. Взял часы работы уборщиком в погрузочном ангаре. Мелкая пыль забивала механизм автопылесоса, и его приходилось чистить каждую смену. Зато я мог разобрать и собрать любую деталь с закрытыми глазами!

Перед окончанием школы и распределением на постоянную работу бесконечной чередой проходили тестирования.

Если бы у нашей семьи был хотя бы еще один родственник, я мог бы претендовать на механика. Но увы… с родней нам не повезло.

Пожар в новом тоннеле уровня Кью взорвал все новостные ленты: погибли три бригады прокладчиков. В суете экзаменов и тестов я сначала не понял, что это конец всем моим планам. Разнарядка пришла в каждую школу. Вакансии будут закрыты выпускниками этого года. Так я получил распределение в «тоннельные крысы». Неплохой заработок для младших исполнителей, только редко кто из этих ребят доживает до тридцати.

Семейный ужин по случаю моего окончания школы был невеселым. Еще и Дарси приспичило рассказать, что у знакомой девочки умерла бабушка. Теперь им присвоят класс Джей и дадут разрешение на третьего ребенка, а значит, отца повысят, семью переселят на другой уровень…

Ночью я услышал, как родители ссорятся.

– Если бы твоя мать не была чокнутой эгоисткой, у нас все было бы по-другому! Наверняка подтвердились бы троюродные братья. Проклятая политика! Везде семейственность! Чем больше семья – тем выше ответственность! Кто эту чушь придумал?!

– Тише, пожалуйста! И думай, что говоришь! Ей пришлось бы умереть, чтобы ты был счастлив и получил повышение.

– Все умирают. Зато сейчас у нашего сына нет будущего. В «подтвержденных» у него, как и у нас, прочерки! Если выживет в проходчиках и сумеет получить перевод – будет как я или ты, – младшим исполнителем, надеясь на выслугу или «особые заслуги». То есть повышение статуса у него будет… никогда!

Утром перед тем, как уйти на смену, мама присела ко мне на кровать и погладила по голове, как в детстве.

– Таби, дорогой! Твоя бабушка во время эвакуации назвала мне два имени и просила их запомнить. Она сказала, если однажды будет совсем плохо, надо найти одного из них и напомнить про Беатрис Коул. Сенатор Пол Эдинберг или генерал Син Чжен. Попробуй встретиться с кем-то из них.

Вы когда-нибудь пытались встретиться с генералом неизвестно какой службы или сенатором, который, к тому же, обитает почти на двенадцать уровней выше вас? Пока я делал зарядку, поисковик обрабатывал мой запрос, выдавая ноль информации про генерала и кучу быстро меняющихся ссылок на сенатора.

В итоге я не придумал ничего лучше, чем послать сенатору e-mail. Электронная почта была в свободном доступе. Конечно, я поставил «конфиденциально», не особо надеясь на ответ. Текст набрал простой: «Мистер Эдинберг, вы помните о Беатрис Коул?»

Я заканчивал завтракать. Прошло, наверное, минут пят-

надцать после отправки сообщения. В дверь постучали. На пороге стоял полицейский.

– Парень, я не знаю, что ты натворил, но я должен срочно доставить тебя к сенатору Эдинбергу.

Мы шли через утреннюю толпу, спешащую на работу, но не на метро как все, а к лифтам. Подъем на уровень Эй показался мне долгим, а сам уровень просторным и пустынным. По нему двигались машины, а не общественный транспорт. На огромные тротуары выходили большие витрины круглосуточных магазинов. Здесь даже росли деревья! Но их я увидел лишь из окна автомобиля. Он домчал нас в зал вылета буквально за пару минут.

Возле аэромобиля полицейский передал меня молчаливому водителю. Пролетев через темный шлюз, мы оказались на поверхности.

Знаете, сколько раз я был на поверхности? Если считать за первый посещение Купола, когда мы с классом наблюдали восход Земли, то это был второй. Сейчас я не знал, куда смотреть! Меня интересовало и управление полетом, и вид вокруг. А когда мы набрали скорость и вышли из тени холма, над ним навис серый полукруг Земли. Он приковывал взгляд, его хотелось рассматривать, искать различия между материками и океанами, их силуэты все-таки можно было разглядеть на темном фоне.

Мы приехали очень быстро. Незаметные ворота прямо

в скале отъехали в сторону. Темнота шлюза сменилась светом переходного отсека. Высокий человек просканировал меня холодным взглядом и провел в огромный кабинет.

Сенатор обернулся. Он излучал профессиональное дружелюбие.

– Так-так… Значит, ты и есть внук Беаты? Смотрю, такой же мелкий и настырный?

Жестом он пригласил меня к огромному, во всю стену, окну. Равнина с выступающими кратерами выглядела мрачной. Черное небо огромно и все в звездах. Резкие плотные тени, как лужи пролитого машинного масла, казалось, забирали солнечный свет. Над горизонтом – тусклая Земля.

– Ты знаешь, что раньше она была голубой? Видел картины и голограммы? – я кивнул, понимая, что это начало рассказа.

– Земля погибла в двадцать втором веке. Пожары, землетрясения, тайфуны. Конечно, и мы помогли: заводы, мусор, добыча ископаемых…. Человечество стремительно сокращалось от болезней. Мы потеряли много времени, пока думали, что можем найти место для жизни на Земле. Хорошо, что в это время станции на Луне строились в ускоренном режиме. Постепенно решение об Эвакуации стало единственным выходом.

Президент сказал: «Важен каждый человек». Мы вывозили всех: больных, стариков, калек, преступников. После того как последний транспорт покинул планету, я поклялся

на Библии, что там не осталось никого. Но это было не так.

Беата и еще несколько сотен человек остались. Восемьсот пятнадцать в разных районах Земли. Я лично следил, чтобы им привезли все необходимое. Знаешь, что это? Не еда, вода или бензин. Они просили оставить семена и саженцы. Беатрис сказала: «Каждый день, пока у меня хватит сил и жизни, я буду сажать деревья, несмотря на ветра и кислотные дожди. Кто-то должен остаться и делать это».

Конечно, слухи про «отщепенцов» ходят до сих пор. Кое-кто еще помнит, что бабушка или дедушка не покинули Землю. Считают их эгоистами, предавшими семьи. Особенно в свете новой политики: «Большая семья – большая ответственность». Без них не подтверждаются родственные связи, как и у тебя. Я прав?

Пришлось кивнуть, хотя до вчерашнего дня я и не подозревал о существовании бабушки… Сенатор нажал пару кнопок и погрузился в изучение моего файла.

– Ты считаешь, что сможешь стать пилотом?

Я снова кивнул.

– Я направлю тебя к генералу Чжену. Если справишься – поступишь на военную службу. Возможно, станешь пилотом, возможно, кем-то другим. К семье уже не вернешься. Ты можешь подумать.

Я отошел к окну, а сенатор повернулся к помощнику.

– Получено сообщение от Ричарда Вэнса, «миссия Рай», оно у вас на мониторе.

Пока они негромко переговаривались, я смотрел на Землю и вспоминал, как мама рассказывала о своем детстве. Там раньше стоял городок Самерсвиль и протекала речка Йорома. Теперь Земля – огромное серое пятно. На фоне ее темной части мигнули огни транспортника, заходящего на посадку. Видимо, в той стороне был космопорт.

Вот здесь, под ногами, на много уровней под поверхностью – мама, папа, Дарси и еще три с половиной миллиарда людей. А выше – покинутая Земля. И Космос.

Как понять, где твое место?

Я попросил сенатора отправить меня к генералу Чжену. Сначала было тяжело. Но через два месяца я сумел пройти жесткий отбор и стал «отщепенцем» – одним из агентов секретного отряда. Почти год тренировок и занятий: оружие, психология, механика и пилотирование. Я стал другим, выбрав этот путь.

Перед тем как принять меня в отряд, генерал сказал: «Запомни, отныне для всех ты – невидимка. Про миссии, которые тебе доверят, никто и никогда не узнает. Но однажды их последствия станут видны всем. Это как с деревьями, что растут незаметно под серыми небесами Земли».

@yul_vikt

ГЕНА

–

Kate_words

Генка крокодил

Лето я всегда проводила в деревне у бабушки. Но не так, как другие мои одноклассники, – их бабушки жили близко, максимум в соседней области. А моих родителей занесла в свое время нелегкая в другую республику нашего Союза Советских и очень Коммунистических. До бабушки ехать нужно было почти сутки, поэтому нас с братом туда транспортировали на семи перекладных, сгружали и оставляли на веки вечные, то есть до конца августа.

С одной стороны, я завидовала одноклассникам, их возможности вернуться домой в любой момент, отмыться, сменить картинку, сходить в кино, похавать мороженку – и опять поглубже нырнуть босыми пятками в траву. Но была прелесть и в нашей длительной ссылке без права на переписку. А точнее, только такое право и было: письма родителям мы писали самозабвенно и по десять листов, так что они в конверт не пролезали, а вот телефон в деревне водил-

ся только у соседей, и только через подъезд на очень хромой кобыле можно было его допроситься.

В чем же была прелесть ссылки? В том, что, когда ты, насквозь прокаленный двухсполовиноймесячной деревенской жизнью, возвращался наконец в город, да еще и в столицу, да еще и другой – теперь уже – страны, ты как будто заново рождался. Все не то и не так, твоя квартира как чужая, дома высокие, улицы ровные. Каждый раз это было новое знакомство со своим привычным миром.

И это, напомню, конец августа, начинают отовсюду съезжаться одноклассники, ты случайно во дворе встречаешь то того, то этого. Все вымахали, возмужали, девчонки, заразы, стали красивее, а ты-то, конечно, нет. Ты, кажется, и бока наела, и вот прыщ новый на носу вскочил как раз к первому сентября, чтоб ему пусто было, нашел время… То есть тебе и волнительно, и радостно, и немного стыдно и неловко выходить на улицу, ведь каждый такой выход может неожиданно вылиться в смущенный «ой, привет», после которого еще же и самое ужасное! Когда пытаешься разойтись! Ты влево – и он влево, ты вправо – и он вправо. Хоть под землю провались!

В самый распоследний день лета мама отправила меня в магазин за сметаной. Магазин! Это же рассадник! Заминированное поле! Каждого твоего одноклассника, прозябающего последние дни лета дома, мама наверняка тоже отпра-

вила в этот момент за чем-то в магазин. Попасть в такое тусовочное место в новом прыще, в то время как там, конечно же, соберутся загорелые звезды, я никак не могла, поэтому напялила новенький костюм – представляете? костюм! – взяла банку, расправила плечи, как тот атлант, и выдвинулась.

Стоп. Банку? Угу. В девяностые желеобразных пакетов да пластиковых стаканчиков под этот продукт еще не предусматривалось. И граждане являлись в магазин со своими банками, в которые им из большого чана красивым пластиковым кувшином размашистым точным движением плескалась густая (если повезет) белая масса.

Я зашла в местный дворовый гастроном и закатила глаза – очереди в молочный отдел зашкаливали. Знаменитые очереди девяностых. Ничего не поделаешь, пригорюнилась и стала последним вагончиком. Стою, лампы на потолке пересчитываю. Смартфонов тогда не было, плееров тоже. Даже в очереди не постоишь как человек.

И вдруг! Впереди, в соседней сосиске-очереди, уже почти у прилавка! Знакомые глаза! Так и есть – Крокодил! Генка, король класса. Кроме как Крокодилом, его, понятно, никто не звал. Он даже не обижался, потому что отсутствие малейшего сходства с этим зверем было видно даже слепому. Что там говорить, Генка был писаным красавцем. По нему сохли все девочки, и не только в нашем классе, ясное дело. А он ни одной из них не отдавал предпочтения – некогда мне, мол,

милые дамы. Я футболист, в свободное от школы время подаю огромные надежды.

Почему я говорю «ни одной из них», а не «ни одной из нас»? Да потому что себя (не забываем про бока и мигрирующие прыщи) я ни в коем случае не могла помыслить в качестве претендента на его сердце. Уж слишком он был хорош. Мне оставалось только мечтать по ночам в подушку, и мечты уходили, надо вам сказать, настолько далеко, что где-то там даже маячила наша с ним маленькая кудрявая дочь.

Его взгляд из очереди пригвоздил меня к месту. Я мысленно схватилась руками за прыщ и мысленно же крякнула от досады. А снаружи неловко скривилась – видимо, это означало у меня улыбку. Крокодил сделал движение головой, приглашающее наплевать на общественные устои и правила приличия и присоединиться к нему в его столь близком к сметанной цели месте под солнцем. Я не поверила глазам, неловко дернулась, но он повторил движение, и я на полусогнутых подошла к нему. Генка смущенно звякнул своей банкой, шепнул «привет, тоже за сметаной?», снова смутился дурацкой очевидности своего вопроса, и мы мучительно (но кое-кто еще и сладко) замолчали до самого пластикового кувшина.

Нет, сметану он мою нести не стал, есть все-таки какие-то рамки. Одно дело поднести портфель однокласснице, а другое дело – литр сметаны. Мы бы со стыда оба сгорели. По-

этому шли домой, втайне радуясь, что сеточки у нас непрозрачные. Говорить было особо не о чем – господи, о чем мы могли говорить, мы за все девять лет в одном классе и слова, наверное, друг другу не сказали. До дома было, к несчастью, недалеко. На прощанье он улыбнулся мне самой невероятной своей улыбкой – и мы разошлись по подъездам.

Не знаю, как я не грохнула эту сметану и не обвалила заодно лифт – так прыгала.

Наутро неминуемо наступило 1 сентября. С чем-то одновременно жгучим, тягучим, замирающим и порхающим внутри я вышла из дома и повернула в арку, за которой был Генкин подъезд, а дальше стадион и наша школа.

И остолбенела. У подъезда стоял он, Крокодил. До начала урока осталось пятнадцать минут, с чего бы ему просто так стоять?

Увидел меня, улыбнулся так же, как вчера, подождал, когда я поравняюсь с ним, сказал «привет», взял мою руку в свою (всё, что было в моей пятнадцатилетней жизни до этого, гроша ломаного не стоило по сравнению с ощущением моей руки в его руке), и мы пошли в школу.

Крокодил Гена и шапокляк

Я бодро выскочил из машины на асфальт перед офисом – и застонал. Почему к хорошему привыкаешь настолько быстро? Всего каких-то полчаса от дома до работы в кондиционированном авто – и ты начисто забываешь о том, какое на улице пекло. Я взглянул в небо: июльское солнце скрылось за небольшим облачком, но все равно показывало мне оттуда кукиш: «На, выкуси, Роман Андреич, я скоро вернусь, чеши скорее на работку да включай вентилятор, а не то худо будет».

Сплюнув, я вытер платком уже успевший набежать на лоб пот и пошел внутрь.

– Нет, а почему, собственно, я? – возмущался я зеркалу в лифте. – Ну и что, что у них дети! Дети… Как будто если нет детей, то и отпуск должен быть непременно в ноябре и ни днем ранее.

С ноги распахнув дверь своего кабинета, я ввалился туда и вспомнил. Черт! Черт! Черт! Завтра же срок сдачи в печать Успенского! И никак не отсрочишь – отсрачивали уже девять раз по просьбе автора и три по нашей вине. Хотя это еще надо разобраться: если автор раз за разом просит вернуть рукопись на доработку, даже когда книга уже сверстана, даже когда прошла одну корректуру, то так ли уж можно говорить о нашей вине?

Но это все лирика, лирика! А сейчас-то мне что делать? Я видел вчера внесенную верстальщиком правку после первой корректуры. Это же обнять и плакать. Называется, вносим левой ногой, попутно посматривая ютюбчик и нихрена не глядя на то, что вносим. Там не сверка нужна, там нужна полноценная вторая корректура!

Я упал в кресло, обмахиваясь какими-то черновиками, и снова застонал.

Что же делать? Что делать-то? Я не успею, там тридцать авторских. Эдуард Николаевич никак успокоиться не может, плодит свою эпопею про Гену с Чебурашкой. Нет, мужик, конечно, молодца. Уважуха и все такое. И новая книжка вышла чумовая, говорят. Я не читал, но тут всем издательством угорали. Но блин! Это опять лирика! А кто же мне до завтра вычитает тридцать авторских листов?

Я лихорадочно схватился за телефон. Жуковская, Писарчук – в отпусках и, кажется, за границей. Ляжкина в больнице, угораздило. Коробеня? Нет уж, Коробене можно только допечатки доверять, да и то где не больше пол-авторского нового текста, ибо запорет всю малину. О! О, о! Климович!

– Вот кто нас спасет, вот кто нас спасет, – бормотал я, набирая домашний номер Елены Петровны Климович, пожилого опытнейшего корректора.

– А бабушка уехала в дом отдыха до сентября! – ответил мне звонкий детский голос, и я еле успел нажать сброс, прежде чем смачно и нецензурно выругался.

Все. Это провал.

Я опустился в кресло, взъерошил волосы и подпер голову руками, уставившись в талмуд распечатки нового Успенского. Ну конечно, пожалуйста, – опечатка уже на титуле! «Прикючения…». «Прикючения», бля! Я представляю, что там дальше… Что же делать, что же делать…

Вдруг мне показалось, что мой локоть, стоящий на стопке распечатки, приподняла какая-то сила. Что за… Ооо, дорогой… Перегрелся окончательно. Я рывком ослабил галстук, на пол полетели пуговицы сорочки, вскочил, бросился к умывальнику, засунул под него голову. Нихрена не спасает вентилятор, только бумагу все время гоняет. А начальство все жилится на кондей, мать его.

Сел обратно и уставился на распечатку. Спустя 20 секунд толща страниц снова приподнялась. Нет, дело дрянь. Скорую, что ли, вызыв…

Из распечатки – мама дорогая – показалась зеленая… лапка?! Так и есть! А вслед за ней и ее обладатель… знакомая коричневая шляпа, терракотовый плащ. Нет, как это возможно, я вас спрашиваю? Крокодил Гена!

– Многоуважаемый редактор Роман Андреевич! – заговорил он чистейшим и до боли знакомым голосом Василия Ливанова. – Вы только, пожалуйста, не пугайтесь. Но мы и на самом деле реальные. И мы весьма переживаем за сложившуюся ситуацию – очень уж нам хочется поскорее в пе-

чать уйти. Все, знаете, какое-то движение, пободрее будет. А то туда-сюда нас кидают, туда-сюда, сил нет уже никаких. Сегодня я зашел в кинотеатр с Чебурашкой, а завтра в булочную с Галей, сегодня купил три эскимо, а завтра пять. Голова кругом. В общем, мы за то, чтобы поскорее уехать в типографию. Нет-нет, я знаю, что вы хотите спросить! Но я же ученый крокодил, вы же знаете мою историю. Я прочел уйму разных книжек! Хоть сейчас экзамен по русскому сдавай! Я с удовольствием выполню вторую корректуру книги. К тому же я вижу текст, если так можно выразиться, кхм, изнутри, поэтому процесс пойдет значительно проще.

– Но… Ген… Геннадий, мне же можно вас так называть? – смотри-ка, а я был уверен, что голос ко мне так и не вернулся.

– Называйте меня Геной, Роман Андреевич. Ну какой я Геннадий? – улыбнулся крокодил.

– Хорошо, Гена. Понимаете, при всем уважении… Но там тридцать авторских листов! Даже если мы с вами ее располовиним, то все равно никак…

– Да уж, ситуация, однако… – Гена присел на краешек стопки и свесил ноги.

– А если… если позвать кого-то еще нам на помощь? Ну, из книги? – боже, что я несу? Или мне все это снится?..

– Было бы неплохо, но только кого? Обезьянку Марию Францевну? Льва Чандра? У нас же там все сплошь неучи. Так и не пошли учиться, как я ни настаивал.

– Но подождите, а как же Галя? Она же отличница!

– Галя… – крокодил закатил глаза. – Вы не читали, что ли? На сторону отдавали редактуру?

Я закивал.

– Галя ж в декрете. Только-только ушла. Ей не до корректур сейчас будет.

– В декрете… Ну и ну…

– Вот вам и «ну». Время бежит, да.

Мы замолчали.

– Слууушайте! – вдруг встрепенулся крокодил. – Хотя… – и снова помрачнел.

– Ну же, говорите, Гена, время, время!

– Я просто подумал… А может, старуху Шапокляк попросить?

– Правда? – скептически скривился я. – А она что, ученая?

– Пффф! Обижаете, мой дорогой! Она же двадцать лет редактором пионерской газеты «Зорька» проработала.

– Да что вы говорите? Не знал…

– Да мало кто знал. Успенский скрывает. Хочет цельного образа злодейки, наверное. Она ж поэтому и пионеров ненавидит – достали они ее за столько лет.

– Понятно. Так что? Рискнем?

– Рискнем…

Гена вздохнул и приподнял лапой толщу страниц:

– Миледи!

Обернулся ко мне и смущенно произнес:

– Это мы ее так называем там, между собой, не обращайте внимания.

– Милеее-диии!

Изнутри распечатки послышался знакомый неприятный голосок:

– Мессир? Чего вам надо, старый вы хрен?

Гена снова взглянул на меня и покраснел.

– Сейчас не время, миледи. Выбирайтесь на свет божий. Тут наш завтрашний выход под угрозой.

Страницы заходили ходуном, несколько слетело на пол. Показалась небольшая изящная ножка, за ней кружевной рукав, длинный нос и только потом остальная Шапокляк.

Я, уже немного освоившийся в происходящей дурке, заискивающе прошелестел:

– Здрассьте!

– И тебе привет, касатик ты моржовый, если не шутишь, – пренебрежительно смерила меня взглядом старуха. – Ну что, запороли книжку-то, а? Профессионалы называется! Тьфу! Лодыри! Лоботрясы! С февраля у вас лежим, пылью покрываемся, а им, как всегда, одной ночи не хватает, чтобы работу до ума довести! Ну, чего не хватает? Переверстка опять?

– Нет, – убитым голосом произнес я. – Вторая корректура нужна…

– Ну это мне, положим, раз плюнуть. Я и не из таких пе-

редряг выходила. Сколько там? – Шапокляк деловито взглянула на стопку распечатки. – Тридцать?

Гена сделал мне красноречивый жест из серии «ну, что я говорил? глаз-алмаз!»

– Ага, тридцать…

– Не знаю, не знаю… Глазомер у меня уже не тот, а очки Успенский так и не выписал за столько-то лет. И вообще! Почему я должна делать вашу работу, а?

– Ну что вам стоит, миледи? – примирительно произнес Гена. – Ну чем вы там таким уже заняты, а?

– А это не ваше дело, мессир! Рептилия вы пучеглазая! Занята, не занята, а денюжек мне за это не заплатят, а значит, и дальше в рванье ходить, Успенский-то платья нового мне тоже как-то не торопится сочинить.

– Ну будет, миледи, будет! Сейчас Эдуарду Николаевичу икнется, и кто его знает, вдруг в следующей части будет апокалипсис и мы все того…

Мне показалось, что Шапокляк вздрогнула. Тон, по крайней мере, сразу изменился.

– Ладно, черт с вами. Давайте дербанить. По десять на брата? Чур, мне концовку, там самый экшен. Когда дедлайн?

– Завтра в 8 утра, – голосом гимназистки на экзамене произнес я.

– Будет готово в 6, – отрезала Шапокляк и исчезла в стопке.

Гена торжествующе посмотрел на меня:

– Ну? Что я говорил? Она вообще мировая тетя! Мы ж лучшие друзья когда-то были.

– Да ну?! – поразился я.

– А то!

– А что же тогда произошло? Вы же с самой первой части на ножах!

– Ай, да Чебурашку не поделили. Она хотела, чтобы он наравне с Лариской был ее питомцем, а мне парень понравился, и я сказал, что не допущу такого и человека из него сделаю. Вот и все, и разошлись пути-дорожки. Но видите, Роман Андреич? Настоящий друг познается в беде, не зря люди говорят. Ну, за работу. Честь имею.

И крокодил, приподняв шляпу, скрылся среди страниц.

Крокодил и сестрички

Надя вошла в комнату – и Иван сразу все понял.

– Что? Нет?

– Нет, Ванюша. По-прежнему ничего, – Надя закрыла лицо руками и заплакала.

– Милая, ну что ты… Не первый же раз. Ведь мы этого и ожидали.

– Не ожидали, не ожидали! – вдруг сверкнула она глазами и яростно вытерла со щек дорожки. – Я каждый раз надеюсь, каждый раз верю, что вот сейчас это и произойдет!

Иван выдержал паузу, а потом осторожно произнес:

– Значит, как и решили, да?

Надя заплакала еще отчаяннее:

– Не могу, Ванечка!.. Ты же сам видишь. Не получается. Не щелкает во мне какая-то нужная кнопочка.

Иван вздохнул и обнял ее.

Иван Сергеевич и Надежда Петровна были женаты уже двенадцать лет, а детишек бог все не давал. Были испробованы все методы, исхожены все клиники, сданы все мыслимые и немыслимые анализы, даже к знахаркам в далекие села ездили они, а только врачебный вердикт «бесплодие», разразившийся однажды громом у них над головой, отменить никому не удавалось.

Самые близкие, посвященные в тонкости их жизни, робко намекали (а иные и прямым текстом говорили) об ЭКО, да только Надя с Иваном были на сей счет непреклонны. Оба они работали учителями в обычной средней школе, поэтому необходимой суммы у них не было и близко, а залезать в кредит, готовясь к рождению ребенка, казалось им абсурдом: с каких учительских зарплат потом его выплачивать? Тем более ребенок так многого потребует. К тому же попытки ЭКО далеко не всегда заканчиваются нужным результатом.

Как-то раз одна из близких Надиных подруг (как она сама выразилась, «в порядке бреда») предложила ей с супругом навестить детский дом. «А что, Надь? Ведь сколько таких случаев, когда берут люди оттуда деток. И как счастливо потом живут. Может, попробовали бы и вы, а? Хотя бы для начала просто так сходили, как на экскурсию».

Надя задумалась. Рассказала Ивану. И они решили сходить в детский дом неподалеку от школы, в которой работали. Администрация встретила их радушно, проблеме посочувствовала. Детей стала показывать – потихоньку, незаметно, чтобы не травмировать детскую психику (ведь всем известно, как отчаянно каждый ребенок ищет в каждом новом взрослом, приходящем в детдом, своих родителей). Да только никак не могла раскрыть свое сердце Надя, не ложился ей никто на душу.

– Ванечка, ну что со мной не так! Я ведь учитель! Я люблю

детей! – жаловалась она всякий раз мужу, когда они возвращались из детдома. – Мне уже и перед заведующей неудобно: что она думает про меня? Скоро нам и приходить туда запретят. Да еще и эта моя дурацкая мания – девочка. Как будто мальчики не люди. Только девочку мне подавай, и кудрявую. Нет, я просто чудовище!

– Значит, не пришло еще твое время, Надюша. Всё будет, милая. Всё будет, – твердо сжимал ее руку в своей руке Иван, и точно так же твердо сжималось в эти моменты его сердце.

Однажды Надя забежала в детдом внеурочно, без мужа. Во время форточки на работе. В прошлый раз заведующая, стесняясь и краснея, сказала им, что лето на пороге, а у младшей группы что-то и мячи прохудились, и скакалки порвались, а дотацию от государства на этот квартал они уже потратили на закупку новой посуды для столовой. «Вы же все равно что-то приносите. Может, в следующий раз не фрукты и шоколад, а несколько недорогих мячиков да скакалок принесете?» Надя горячо согласилась, купила все, что требовалось, плюс к этому несколько наборов для песочницы, и радостно примчалась в детдом.

Запыхавшись, ворвалась в кабинет заведующей. Та сидела на краешке дивана и держала за руки маленькую заплаканную девочку, лет пяти-шести, с копной кудряшек на голове. На громкий звук обе обернулись.

Надино сердце ухнуло, упало и забилось набатом где-то

в районе пола.

Это была она.

– Господи… – только и вымолвила Надя.

Заведующая детдомом была женщиной немолодой, опытной и мудрой. Она сразу все поняла. И когда девочку увели, поведала Наде ее историю:

– Вчера привезли. Зовут Верочкой. Рейсовый автобус столкнулся с фурой. Ее родители погибли, а она как в рубашке родилась. Родственников пока не найдено. Если так и не найдутся, можем потихоньку, спустя какое-то время, готовить удочерение. Вы же не против?

– Против ли я?! – Надя задохнулась. – Она же… она моя! Я это сразу почувствовала! Я ее ждала, я ее искала! Это моя девочка!

Заведующая улыбнулась:

– Если в течение положенного времени родственники не объявятся, приводите супруга. Будем знакомиться.

И Надин мир, бывший последние годы таким серым и беспросветным, вдруг заиграл яркими красками. Она вновь, как девчонка, приглашала мужа на свидания в парки и прыгала по лужам, в которых ярко отражалось июньское солнце («Представляешь, Вань, ее Верочка зовут! Я Надежда, а она Вера! Ну это же знаки!»), стала петь по утрам в ванной и даже упросила супруга затеять в квартире косметический ремонт («Ну отпускные же получили, Ванюш! Можем себе поз-

волить!»). И ждала звонка от заведующей. Жила этим.

И дождалась.

– Надежда Петровна? Если вы не передумали, можете приступать к сбору пакета документов. И начните, наверное, с медицинской комиссии. Верочка вас очень ждет.

Оглушительное, невероятное счастье свалилось из самого космоса прямо Наде на голову. И закрутило жизнь с еще большей силой. Нужно было все успеть, пока лето: и медкомиссию пройти, и ремонт доделать, и комнату обставить для дочери. Дочери! Ах, какое сладкое слово!

– Одевайтесь, – с какой-то странной интонацией произнесла пожилая гинеколог, к которой Надя ходила уже надцать лет и которая знала всю ее печальную историю от А до Я.

Надя оделась, вышла из смотрового и села на стул возле врача.

– Надежда Петровна, я даже не знаю, как вам это и сказать… Но вы беременны, голубушка! – и доктор развела руками.

Надя ахнула и прижала руки к сердцу.

– Да, дорогая. Целых восемь недель. Как это вы пропустили?

– Не знаю… Сама не знаю… Не до того было… – прошептала Надя.

– Поздравляю вас, голубушка! Уникальный случай в мо-

ей практике! Который еще и еще раз доказывает, что в этом деле главное – отпустить голову! Вот вам кучка направлений на кучку анализов – и домой, мамочка, радовать будущего отца! Только аккуратненько. Теперь вы хрустальная ваза.

«„Мамочка“, „отца“… слова-то какие… Неужели они обо мне…» – как в тумане Надя шла по коридору клиники. И вдруг ее как током ударило: «Вера! А как же Верочка?» И второй разряд тока: «Ничего не знаю! Никому не позволю! Она моя! А если Ваня будет против… Что ж… Разведусь!» – последнее слово отозвалось внутри уже менее уверенно, но все равно твердо.

– Ваня, слезай. Вот слезай! – вошла в квартиру светящаяся Надя.

Иван стоял на стремянке и шпаклевал стену возле потолка.

– Надь, ну мне совсем немного осталось, давай я закончу, а?

– Нет, слезай! А то от моей новости рухнешь вместе со своей стремянкой.

Иван спустился, вытер руки.

Надя подсунула ему под нос заключение о постановке на учет по беременности.

Он прочел. Молча стянул с головы газетную шапку-пилотку и разрыдался, уткнувшись в буквы, отчаянно воняющие типографской краской.

– Ну что ты, что ты, милый. Все уже хорошо. Все теперь будет совсем хорошо. И навсегда. Помнишь, как ты сам меня успокаивал? Видишь? Ты был прав. Только Ваня… А как же, – Надя запнулась. – А как же Верочка? Как нам теперь поступить?

Иван оторвался от своей шапки и строго взглянул на жену:

– Верочка? А как Верочка? Она наша дочь. Разве есть еще какие-то варианты?

Надя взвизгнула от счастья и повисла у него на шее.

– Только Вань… А как мы справимся с двумя?.. Мы же с тобой эти, как их, учителя, чтоб его! – и она смущенно, но счастливо засмеялась. – Не сложно нам будет?

– Ничего, – шмыгнул Иван носом. – Прорвемся. Возьму вторую ставку. Хотя нет, какую ставку, я ведь тогда детей совсем видеть не буду.

«Детей!» – сладко екнуло в Надиной груди.

– Я подработку найду, – твердо сказал Иван. – Хорошую. Или репетиторством займусь, во. Хороший математик всегда нужен.

И вот этот день наступил. Надя с уже едва заметно округлившимся животиком, в котором (как пообещали на узи) была девочка («Так хотеть девочку, а в итоге будет целых две! Неужели так бывает!»), и Иван пришли в детдом.

В фойе, возле кабинета заведующей, стояла Верочка в красивом платьице, локоны завязаны лентой в пышные

хвостики. И то гладила, то обнимала какого-то мальчика лет трех.

Рядом суетились заведующая и воспитательница. Что-то тоже приговаривали, обнимали. Надя с Иваном подошли поближе. Воцарилась тишина. Верочка оторвалась от мальчика, сделала несколько шагов к Наде и робко произнесла:

– Вы моя мама?

В сердце Нади сжалась пружина. Она присела на корточки, взяла девочку за руки и тоже спросила:

– А ты хочешь этого, дорогая?

Верочка кивнула.

– И я этого очень-очень хочу, солнышко.

Верочка показала рукой на мальчика:

– А он?

Надя непонимающе взглянула сначала на мужа, потом на заведующую. Та подошла к супругам и тихо, глухим от переживаний голосом, произнесла:

– Это брат Веры. Мы вам не говорили. Через день после того, как она попала к нам, его нашли среди обломков. Он был в плохом состоянии, думали – не выживет. Но в больнице его выходили, а поскольку родственников так и не нашлось, тоже доставили к нам. Я много говорила с Верочкой, убеждала, что за братиком тоже когда-нибудь придут его новые родители. Но она ничего не хочет слышать. Я не знаю, что делать. Просто не знаю…

– Как это что делать! – вдруг громко сказала Надя.

Оглянулась на мужа, нашла в его глазах что-то неуловимое, но очень нужное ей в эту секунду, подошла к мальчику и опустилась перед ним на корточки:

– Тебя как зовут?

– Генкой, – пробурчал тот, не поднимая глаз.

– Генкой… Как здорово! Как крокодила из мультика про Чебурашку, да? Ты любишь Чебурашку?

– Не. Я хутбол люблю. Буду хутбалистам.

– Хутбалистам! – весело рассмеялась Надя.

Поднялась, смахнула с одежды невидимые крошки, будто окончательно стряхивая с себя прошлую несчастливую жизнь, и задорно произнесла:

– Ну-с, а сына вы нам комплектом завернете или нужно опять все бумаги собирать?

Еще раз оглянулась на мужа и добавила:

– Если что, мы готовы!

Два Гены, Шапокляк и Леонид Якубович

– Добрый вечер! В эфире капитал-шоу «Поле Чудес» и я, его ведущий, Леонид Якубович! Итак, первая тройка игроков…

Хлопнула входная дверь.

– Мааам! Ма-ма! А, опять своего Якубовича смотришь?

– Ой, Любушка, ага, опять смотрю. Сегодня ж пятница. Святое, сама понимаешь.

– А как же. Понимаю. Выходные не задались, если в студию «Останкино» очередные огурцы не приехали.

– Люба! Ну что ты вот опять. Ну должна у меня быть маленькая слабость?

– Должна, должна, мамочка. Я же шучу. Всё в порядке. А папа где?

– Ай, чего-то сегодня психанул, ушёл к себе. Не захотела я летний кубок КВН с ним смотреть, «опять предпочла мне усатого» сказал. И ушёл.

– Юмористы, блин. Пойду зайду к нему, поздороваюсь.

С момента выхода первой передачи «Поле Чудес» Надежда Петровна влюбилась в неё намертво. Всё-таки слова, буквы, а она всю жизнь учителем русского языка проработала. В начале 1990-х на голубых экранах развлечений для ин-

теллигентных людей было мало: одна только молодёжь ярко разодетая своими филейными частями трясёт, и «Поле Чудес» – как отдушина. А второй такой отдушиной стала для Надежды Петровны и её мужа, такого же простого учителя, – дача. Купили они её примерно в то же время, что и «Поле Чудес» появилось.

Задумывалась дача как садово-огородное подспорье для выращивания детей: их у супругов было аж трое, а 1990-е не зря лихими называли. А потом стала самым настоящим хобби: катала свои закатки Надежда Петровна лихо, самозабвенно, филигранно, в лучших домах Парижа дрались бы за её хрустящие огурчики да лечо из болгарского перца (если бы, конечно, знали об их существовании). Батареями свои баночки Надежда Петровна выстраивала. Все-все соседи и друзья, не говоря о родственниках, были обеспечены каждый сезон мощной закаточной артиллерией вплоть до майских праздников.

«Поле Чудес» – это пятница. А за нею, как водится, – суббота. И на эту августовскую тёплую субботу на семейный обед в гостеприимный уютный дом Надежды Петровны и Ивана Сергеевича, где они жили с младшей дочерью Любашей, были приглашены старшие дети, уже жившие отдельно: дочка Верочка, воспитателем в детском доме работавшая, да сынок Генка – известный футболист, член сборной страны. Поболтать, пообниматься, о делах друг дружки справиться ну и закаток набрать, сколько увезёшь, как без этого. «Ме-

сячник Маминого Урожая» – так шутливо называли август в этой семье.

И вот суббота, все в сборе, стол накрыт, запахи картофельного пюре и жареной в чесноке курочки по всему двору расплываются. Всех своих любимых за стол Надежда Петровна пригласила, а сама торжественная, радостная – необычная – стоит, не садится.

– Давайте, давайте, рассаживайтесь скорее. Генка! Папе стул из спальни захвати! Ну вот. Уселись? Так, как это начать…

– Мам, все в порядке?

– А ты посмотри на нее, Вер. Светится как хрусталь вон в секции. Там какое-то уж очень «в порядке», судя по всему.

– А ну цыц, малышня! – прозвучал отцовский голос.

«Малышня» прыснула и закатила глаза.

– Надюш. Что такое? Ты что это там вертишь за спиной? В лотерею небось наконец выиграла?

– Нет, Ванечка! Не у-га-дал! – и победным жестом Надежда Петровна выставила вперед руку с большим конвертом.

Выждала эффектную паузу.

– В Москву меня пригласили! На «Поле Чудес»! Я давно заявку отправляла, уже и не надеялась. А оно возьми и приди!

И постбальзаковская Надежда Петровна, обладающая парой десятков лишних килограммов, вдруг запрыгала на но-

сочках, как девочка.

– Ой, мам, ты что!

– Да не может быть!

– А нам чего не говорила? Вот тихоня!

– А уже решила, в чём поедешь?

– А съёмки-то, съёмки когда?

– Тихо, тихо, сейчас расскажу. Съёмки, значит, через две недели. Даже не верится, что свеженькое повезу, с пылу с жару! А что это вы притихли? Да неужто вы думаете, что я к Лёнечке Аркадьевичу с пустыми руками приеду? Все, значит, везут, а я что, рыжая? Ну уж дудки! У меня урожай – всем урожаям урожай! И к тому же это ж моя мечта! Много-много лет! Я уже и баночки присмотрела, какие возьму. Одну трёхлитровочку с корнишончиками, двухлитровку с помидорками зелёными и поллитрушку лечо!

– В общем, народ, здесь главное – сразу себе уяснить, что спорить бесполезно, – засмеялся Генка и обнял Надежду Петровну. – Ой, мам, какая ж ты у нас всё-таки умница. Мы тобой гордимся! Правда, народ?

В коридорах «Останкино» Надежде Петровне было, прямо сказать, немного боязно. И банки в сетке так же пугливо стучали друг об дружку – поддерживали морально хозяйку, как могли. Нет, их, конечно, хотели у нее отобрать, пообещали, что сохранят в лучшем виде и до студии донесут, но где там… Не тот человек была Надежда Петровна, чтобы

просто так, за здорово живёшь, расстаться со своими закатками. И главное, спросила эта девица ещё так надменно:

– А что у вас там в банках? Сметана?

«Сама ты сметана!» – хотела ответить Надежда Петровна, но только посмотрела на неё выразительно и сказала свысока:

– Подарок для Леонида Аркадьевича. Понесу сама.

Девица пожала плечами и сообщила:

– Вам в самый конец коридора, последняя дверь направо. К главному редактору развлекательных программ Роману Андреевичу.

Надежда Петровна сухо кивнула и отправилась. Банками позвякивая.

Чудно в «Останкино». Шумно, суетливо. И главное – люди бегают все какие-то смутно знакомые. Вот как будто вчера только ты их в какой-то передаче по телику видел.

Дошла до последней двери направо. Постучала. Услышала: «Да-да!». Вошла. И чуть банки не выронила.

В большом, прокуренном, заваленном бумагами кабинете прямо на столе сидел большой натуральный… крокодил Гена, а рядом с ним в шикарном кресле руководителя, нога за ногу, элегантная старуха Шапокляк с сигаретой между пальчиков.

Увидели Надежду Петровну, вскочили, засуетились:

– Так, вы – Надежда из первой тройки игроков, да? Проходите, не стесняйтесь. Да-да, – посмеиваются, – все удив-

ляются, когда нас видят. Мы младшими редакторами работаем здесь на полставки, уже несколько лет. Вместе с Романом Андреевичем из книжного издательства сюда перешли. Он замечательный редактор, всё вам сейчас расскажет. Подождите минутку, скоро появится.

– И она выыыыыыигрррра́ла! Да! Да! Да! Надежда Петровна из Минска выиграла ав-то-мо-биль! Все капитал-шоу «Поле чудес» поздравляет вас, дорогая вы наша Надежда Петровна! А с вами, уважаемые телезрители, мы прощаемся ровно на одну неделю! И дай вам бог!

@kate_words

ДАР АМЕЛИНДЫ

–

Ирина Игнатьева

Дар Амелинды

Амелинда родилась раньше срока. В пору, когда лавандовые поля ещё только начинают цвести, обволакивая Предгорье ни с чем не сравнимым ароматом. А волшебство витает в воздухе, порой даже становясь чуточку осязаемым для случайно забрёдшего в эти места путника.

Обычно маленькие феи появлялись на свет поздней осенью. Когда заканчивались летние заботы и беспокойная пора сбора урожая. А магическая суматоха вокруг стихала и уступала место тёплой осенней тишине и дождливому спокойствию. И семейства волшебных существ привычно занимали свои уютные маленькие жилища в сени крепких деревьев. Готовясь к прибавлению уже в покое и тепле. Не волнуясь за безопасность своих пока ещё бескрылых деток.

А после, весной, молоденькие феи, наконец обзаведясь сияющими крыльями, сливались с магией «своей» стихии. И именно от соединения с ней получали магический дар.

Но это прелестное волшебное дитя нарушило привычный для своего вида цикл.

– Сложно ей будет в такой суете пока без крыльев, лето ведь в самом разгаре, – сетовали сочувствующие феечки.

– Может, пока спрятать дитя у нас? – заботливо предлагали участливые дриады.

– Ах, до срока не усидела, проказница! Будет непоседливой и вредной феей! – шептались и остальные обитатели Предгорья. – Жди хлопот.

Но родители решили иначе. И Амелинда с рождения погрузилась в суетливую действительность волшебного народца.

– Это возмутительно! – тонкие крылышки трепетали очень быстро, стараясь удержать в воздухе весьма упитанное тельце.

Амелинда про себя прозвала его «хомячество». Производное от «величество» и названия вечно что-то жующего лесного зверька.

Король фей, грозно читающий очередные воспитательные проповеди её родителям, со стороны смотрелся весьма комично. По её мнению.

– Ей давно уже пора определиться с выбором стихии. Так и крылья скоро окостенеют без магической подпитки. А ваша дочь до сих пор играется! То плавает с русалками за границу Предгорья, то подбивает кротов вырыть подземные ка-

такомбы и устраивает в них игральную залу! С азартными играми на кристаллы! И ещё…

Амелинда закатила глаза. Фея тактично помалкивала о том, что её дар уже давно пробудился. Вот только ни к одной стихии он не принадлежал.

Нет, маленькая волшебница прекрасно ощущала магию и воды, и воздуха. И ладила с огненными саламандрами. И даже пару раз обменяла сладкий цветочный нектар на товары земляных троллей.

Но никакого ограничения одной стихией не испытывала. Поначалу Амели просто не понимала, что с ней происходит. Думала, что всё идёт как и у остальных фей. Со временем девушка поняла, что дар проснулся. Без выбора и ритуалов. Сам собой. И решила, что знать об этом никому не следует.

Феи по натуре своей были жуткими трусами и паникёрами. Любое событие, нарушающее устоявшийся ход вещей, было для них сродни грому на голову. Их силы во многом зависели от состояния природы. А оно, в свою очередь – от их колдовства. Феи защищали окружающий их мир, оберегали его, помогали растениям, животным. А у Амелинды с чарами созидания дела шли не очень. И девушка держала всё в тайне, как можно дольше стараясь откладывать момент, когда все узнают о её способностях.

– Церемонию проведём через два дня, в новолуние. И чтобы до этого сидела, как полевая мышь в соколиную охоту!

И «хомячество» неспешно выпорхнул из дома её родите-

лей.

– Что ему надо? Что он тут забыл, да ещё перед Ночью Выбора? – обитатели Предгорья перешёптывались, не скрывая своего возмущения.

Зря сказания и легенды говорили о дружбе и согласии между феями и лесными эльфами. Эти два народа на дух не переносили друг друга. И если феи созидали, преобразовывали магию самой природы ей же во благо, то их остроухие соседи были экспериментаторами. Не гнушались изучать, к примеру, человеческое колдовство и некромантию. Участвовали в войнах, активно торговали. И представителям эльфийской породы, особенно знатным, в краю фей были не рады. Но дипломатия есть дипломатия.

Амелинда, сидя в своём домике, сгорала от любопытства. Все вылазки до ритуала оказались под запретом. И как назло, именно в это время чума дёрнула приехать в Предгорье эльфа. Настоящего эльфа! Девушке оставалось только надеяться, что после ритуала её не запрут где-нибудь «до выяснения всех обстоятельств» и ей удастся увидеть и (чем орк не шутит?) поболтать с остроухим.

Мягкое платье из лепестков лаванды чудесно оттенило её серые глаза с будто обведённой тёмным ободком радужкой. Лунные пряди волос переплелись в десятки тонких кос, сложенных заботливой материнской рукой в причудливые узоры. Серебристые крылья от волнения трепетали с бешеной

скоростью.

На поляне, перед камнями выбора, уже собирались маленькие волшебники и волшебницы. Амелинда знала, что в катакомбах уже неделю принимали ставки: какая из стихий согласится принять проказливую фею?

А напротив, небрежно прислонившись плечом к стволу священного ясеня, со скучающим видом стоял эльф.

«Не такой уж огромный, даже пониже земляного тролля… А разговоров-то!» – мелькнуло в голове Ами.

Эльф встретился с ней взглядом на секунду и нахально подмигнул.

– Кхе, кхе! Амелинда, я тебя спрашиваю, – голос короля вывел её из роя мыслей. – Готова ли ты принять дар?

Девушка задержала дыхание. Потом медленно выдохнула сквозь сжатые зубы. И наконец выдала:

– Да.

Её ладонь положили на первый камень. Пересекающая его руна отозвалась тёплом. Но не засияла, как это должно было быть, если стихия принимала фею. Не залились светом и остальные три.

На поляне повисла тишина. Феи растерянно переглядывались. Кто-то мысленно прощался со ставкой. Король пытался решить, как вести ритуал дальше. Родители переводили непонимающие взгляды с камней на дочь, потом – друг на друга.

– А я думал, таких уже не осталось. Да и вообще, что это

все сказки, – раздался у ясеня удивлённый голос.

– Не до тебя сейчас, эльф, – раздражённо отмахнулся «хомячество». – Такого не было со времён… Да вообще на моей памяти не было! Чтобы фея оставалась без ма…

– Да от неё магией за версту разит, – хохотнул остроухий гость, оторвавшись наконец от так полюбившегося ему дерева.

Подошёл ближе и уселся на корточки рядом с алтарём.

– Скажи, дорогуша, ты ведь уже давненько приколдовываешь? Без стихий и чьего бы то ни было разрешения.

Амелинде под обрушившимися взглядами захотелось испариться. «Надо будет разузнать, наверняка есть какое-нибудь заклинание исчезновения. Очень бы пригодилось!» – обречённо подумала фея и выдала вслух:

– Да.

По рядам крылатых волшебников пронёсся дружный вздох. «Как это?», «Это невозможно!», «Так не бывает…» – посыпались со всех сторон.

– Я читал про такое, – эльф всё с большим интересом поглядывал на девушку. – Фея, силы которой не зависят от воздуха или воды. Которая может применять любые чары, преобразовывать чужое колдовство, и силы которой ничем не ограничены. Фея желаний.

Тишина снова накрыла поляну. Только теперь она была недоброй, густой и липкой, как туман. Амелинда похолодела. Среди маленького народца феи желаний считались про-

клятыми существами. И изгонялись за пределы их маленького мира.

Король медленно повернулся в её сторону. И Амели поняла, что теперь точно всё пропало…

– Правду говорят, феи – невыносимый народ! – эльф отломил кусок яблока, капнул в пробку гномьего самогона и протянул совсем поникшей спутнице.

Амелинде было невыносимо плохо. Ещё вчера она была счастлива и беззаботна, устраивала проказы и шалости, а теперь она – изгнанница.

И как жить дальше бедной маленькой фее? Особенно когда рядом этот наглый эльфийский хмырь.

– У-у-у-у, забери тебя орк! Кто тебя за язык тянул? Ну жила бы я дальше, все меня жалели бы, что не досталось дара, а я бы потихоньку колдовала себе. Не-е-ет, тут нарисовался ты и всё всем растрепал!

Самогон обжёг, выбив из неё дух на несколько секунд. А её спутник довольно осклабился своей идеальной эльфийской улыбкой:

– Не нуди, ты же не такая. Вон, на тебя даже ставки делали, я слышал. Зато теперь сама себе хозяйка. Подучишься немного, постажируешься в нашем лихолесье. Посмотришь мир.

То ли в ход пошла знаменитая эльфийская сила убеждения, то ли самогон подействовал, но предложение начало ка-

заться Амелинде весьма заманчивым. А собственное положение – не таким уж печальным и безрадостным.

Её мир, скорее всего, навсегда закрыл перед ней завесу. Но она на пороге нового – огромного и неизведанного, куда больше чем их лавандовое поле и волшебный лес.

– Но ты всё равно хмырь! – пробурчала девушка порядком заплетающимся языком. – Давай свой самогон!

Жаркая летняя ночь плавно укутала землю. Тихо стрекотали цикады, воздух был наполнен ароматом ночных цветов.

В такие ночи хочется безумства. А в голове рождаются самые смелые мысли и желания.

– Итак, чего же ты хочешь? – сладко пропела фея, разглядывая вызвавшего её человека. – Амелинда – честная фея, на результат ещё никто ни разу не жаловался.

#Человек торопливо ответил. А серые глаза довольной феи хитро блеснули в лунном свете.

Ловушка для ведьмы

Серебристые крылья переливались и трепетали, от тонкой фигурки, прикрытой лишь клубящейся радужной пыльцой, было невозможно отвести взгляд.

И весь этот умилительный образ совсем не вязался с тем потоком грязной ругани, что извергало сие прелестное существо.

Значение некоторых слов молодая колдунья даже не знала.

– Подожди, не сердись! У меня есть подарок для тебя! – после этих слов ведьма Линара поставила перед маленьким существом плошку с молоком и положила драгоценный зелёный камушек.

Фея замолкла, брезгливо разглядывая подношение, а затем фыркнула:

– Ну кто, кто вас всех учит этому бреду? Про молоко и все эти безделушки! Эльфы, все эти подлые эльфы, чтоб их острые концы поотсохли, и я не про уши!

Лина непонимающе уставилась на маленькую собеседницу.

– Чего таращишься, чучело? Ох, как вы, люди мне надоели за последние полвека… Столько хотят, ничего не знают, а потом ещё и претензии по итогу сделки.

– Какой… сделки? – ведьмочка осторожно присела напро-

тив, лихорадочно соображая, чем угодить фее, раз подарки пришлись не по вкусу.

– Ну, ты же меня вызвала? Целый ритуал вон провела, не побоялась. Хоть дерьмовые, но дары приготовила, – фея пристально посмотрела на растерянное девичье лицо: кругленькое, покрытое веснушками и обрамленное золотисто-рыжими волнами. – Значит, хочешь что-то попросить. А я возьму определённую плату.

Колдунья закусила губу. Про плату в старой книге заклинаний ничего не говорилось. Как и про саму суть этой таинственной «сделки».

«Ладно, перестань трястись! Ну что такого фея может попросить?» – Линара выдохнула, прогоняя страх, и открыла было рот.

– Не-е-ет, подожди. Сначала договор, потом желание!

– А ты не обманешь? – ситуация становилась всё подозрительнее, ведьмино чутьё начинало истошно вопить на все лады.

– Амелинда – честная фея! Ни шагу в сторону от условий контракта, даже неустойку платить пришлось всего один раз. С тех пор с эльфами не пью, – маленькие крылышки в предвкушении затрепетали ещё сильнее.

Ведьма скользнула взглядом по стенам хижины. А что ей терять? Ни своего дома, ни родственников, ни денег. Только эта лачуга её старой, давно почившей бабушки-знахарки в лесу.

– Ну вот и чудненько! – фея, будто прочитав её мысли, ловко выудила прямо из воздуха лист пергамента. – Ты хоть читать умеешь? А то был у меня один такой, подмахнул не глядя, а потом: «Языком не владею, читать не умею».

Лина обиженно протянула:

– Умею. Давай сюда свою «сделку».

По мере прочтения глаза девушки распахивались всё шире. Не дойдя до конца текста, она ошалело подняла глаза на маленькую нечисть:

– Это… Это что же, отдать свои силы? – цена показалась Линаре очень высокой. Но… Приемлемой. И в глубине души она уже согласилась.

До сих пор её магический дар не принёс ничего, кроме боли, насмешек и злобы окружающих людей.

– Если ты хочешь пока им пользоваться, мы можем отсрочить сделку… – фея демонстративно разглядывала розовые ноготочки. Мол, не хочешь – не надо.

Это возымело действие: Лина испугалась, что фея исчезнет, и в её жизни всё останется по-прежнему.

– Хорошо. Я согласна. Я хочу…

– Да что же ты какая тугая на голову! Подпись в договоре, плата, а потом – желание.

Линара кивнула. Нашарила в погасшем очаге небольшой уголёк, помедлила секунду и быстро черкнула на пергаменте.

В ту же секунду тело скрутило от боли. Казалось, все внут-

ренности завязались в узел, голова раскалилась, а глаза охватило пламя.

И тут же всё схлынуло, будто ей это почудилось.

Девушка осторожно ощупала голову и лицо. По привычке попыталась с помощью магии определить, нет ли ран или повреждений. И не услышала никакого отклика. Пусто. Тёплая волна магии не пришла на зов.

– Прекрасно… – фея довольно усмехнулась. – А теперь давай своё желание. Только подумай как сле…

– Я хочу, чтобы мной восхищались! – быстро выпалила Линара, даже не задумавшись, то, что сидело внутри, в самом подсознании. – Хочу быть самой красивой, жить в богатом доме и есть лучшую еду!

В глазах феи загорелся нехороший огонёк.

– Как пожелаешь, Линара из Малых Топей.

Девушка резко прикусила язык, пытаясь понять, что именно в её словах так обрадовало нечисть. Но стены избушки уже поплыли перед глазами молодой ведьмы.

– За сколько, говоришь, взял эту кобылу? – взгляд соседа-купца восхищённо пробежал по роскошной покупке.

Покупка только зло клацнула зубами и повернулась лоснящимся задом к гостю.

– За тридцать золотых. Породистая, с норовом лошадка! – молодой хозяин одобрительно хлопнул животное по крупу.

Лошадь аж подпрыгнула от возмущения, повернулась

к нахалу, но люди уже отошли от стойла, и, неспешно беседуя, направились к большому дому.

«Поганая фея! Я не хотела быть лошадью! Ни собакой, ни коровой!» – в отчаянии она замолотила копытами.

«Но ты не уточняла, – неожиданно зазвучал в голове хрустальный голосок, полный злорадства. – Так что всё по договору: тобой восхищаются, ты сыта, ухожена, живёшь в богатом доме. Так что наслаждайся, Линара».

– Стой подожди! – но из её уст вырвалось только отчаянное ржание.

– Амелинда, какое коварство! Как в этой прелестной головке созревают подобные изумительно исполненные козни?

Сереброволосый эльф восхищённо отсалютовал крылатой подруге бокалом.

– Это всё вы, ваши пакости. Нашёптываете этим человечкам, написываете им дурацкие книжки! Мне вот больше заняться нечем, только воспитывать наглых человеческих детишек, – фея, наигранно возмущаясь, присела на краешек своего бокала, игриво закинув ножку на ножку.

Эльфу показалось, будто радужно сияние вокруг неё стало явно прозрачнее (в определённых местах).

– И что же, бедная девочка так и останется, кхм, улучшать породу?

– Да пикси с тобой, я же не ради удовольствия это делаю, а только в воспитательных целях. А то захотелось ей богатый

дом, чтоб ей восхищались… Нет бы попросить, к примеру, рекомендации в школу магов или работу прибыльную. У меня же связи, возможности. Не-ет, людям нужно всё и сразу.

Фея задумчиво замолчала. Задатки-то у ведьмы весьма неплохие. Вот поработает с полгодика своим горбом, головой думать начнёт прежде, чем языком молоть, а там посмотрим.

– Ох, господин эльфийский принц, а я ведь зарекалась пить с кем-то из вашей братии. Проклятия слала на ваши острые… уши.

Эльф довольно усмехнулся:

– Как хорошо, что феи в проклятиях не сильны. Но всё же, я требую компенсацию!

– А теперь, студенты, записываем тему лекции: «Быт, нравы и классификация фей».

«Или почему с этими крылатыми говнюками стоит держать язык за зубами» – но вслух госпожа Линара, преподаватель нежитеведения, разумеется, этого не сказала.

Шаманка Великих Степей

Ведьмак с трудом приподнял разбитую голову. Пепельные волосы покрылись коркой от пыли и крови. Выгоревшие под неумолимым солнцем степи ресницы поднялись и тут же опустились. Собрав последние силы, он всё же разлепил глаза. Падальщики, уже близко. Хищные птицы неспешно парили неподалёку. Это пока неспешно.

«Эльфийская скотина, чтоб его!» – Итан мучительно застонал. Правая нога потеряла чувствительность, разорванный ритуальным оружием бок жгло. Видимо, лезвие попалось с «начинкой».

В голове всплыла картина недавнего боя. Вот под одобрительные выкрики своих соплеменников его противник, нахальный молодой степняк, достаёт из ножен шамшир*. Изогнутое лезвие будто повторяет кривую усмешку своего хозяина.

Вот их клиники в первый раз соединяются и тут же, лязгнув, расходятся в стороны. Ведьмак недооценил своего врага. И уже через пару минут напряжённой схватки тот умело запутал его обманным манёвром, и сразу выбросил вперёд руку с оружием. Наёмнику показалось, что ногу обожгло раскалённым металлом. Он еле увернулся от нового резкого выпада, и бой зашёл на следующий круг. Только теперь Итан в основном оборонялся, а степняк старался как мог измотать

раненого чужака.

Теперь, когда ведьмак наконец догадался о ядовитом лезвии, он начал понимать, почему противник действовал именно так. Но в тот момент его это удивило: на месте Степного Вепря он сам рискнул бы и продолжил попытки закончить бой ещё одним таким удачным выпадом. Но тот явно решил порисоваться перед соплеменниками. И это его подвело. Степняк решил, будто наконец загнал чужака, и собрался убить жертву красиво, как и должно в ритуальном бою.

Итан дождался, пока молодой Вепрь размашисто нанесёт удар. И поймал лезвие своим клинком почти у самой шеи, пуская вскользь и заставляя противника потерять равновесие и пошатнуться. Разворот – меч проходит под лопаткой и выскакивает спереди. Итан тут же выдернул лезвие обратно и со всей злостью огрел противника рукоятью по затылку.

Крики стихи. Орки явно растерялись. И только это спасло наёмника от быстрой расправы. Пересохшими губами он шепнул заговор для отвода глаз и что есть сил рванул в сторону оставшегося в чресседельной сумке амулета телепортации…

Теперь Итану оставалось только корить себя за то, что ввязался в такую авантюру: согласился представлять эльфийского принца в поединке с лучшим бойцом клана Степного Вепря. И хоть победил, только еле унёс ноги от толпы горящих местью орков.

Этих тварей Итан не любил. Его собственная семья погибла от набега, не успев переселиться в безопасные земли во время прошлой войны на границах с Великими Степями. И вот, по иронии судьбы, он сам сдохнет здесь, среди стеблей ковыля на подстилке из васильков.

«Как поэтично придумал. Эльфу бы понравилось…» – злость от этой мысли придала сил.

Наёмник услышал приближающийся топот. Пальцы сжали рукоять – жаль, что такой меч достанется кучке кочевников. Но продать его, равно как и собственную жизнь, ведьмак собирался как можно дороже.

Сознание помутнело.

«Как не вовремя… Соберись, там всего одна лошадь… Одна?! Одна…» – и Итан провалился в темноту забытья.

Он очнулся в маленьком шатре. С трудом приподнялся и кое-как перетёк в сидячее положение. Правда, если учесть травмы и ранение, чувствовал себя ведьмак на удивление бодро и хорошо. У лежанки на полу нашёл кружку. Прохладная жидкость разлепила пересохшие губы, а горький привкус отогнал тошноту и привёл в чувство.

Итан осмотрел ногу, перевязанную тряпицами, пропитанными чем-то зелёным. Внутри шатра пахло травами и едой, от чего тут же требовательно заурчал живот.

Завеса приоткрылась, и внутрь протиснулся орк.

«Хотя нет, орочиха. Молоденькая, клыки ещё не сильно

большие».

Девчонка приблизилась. Без спроса толкнула его на спину и взялась за рану.

Он перехватил худую жилистую руку. И снова приподнялся.

– Не надо, не трогай! Я в порядке.

Девица нахмурилась.

– Когда я тебя поднимала на лошадь и тащилась до поселения, ты тоже был «в порядке»? А ну убери руки, ещё раз схватишь, вырублю.

И снова одним движением уложила его на спину.

Ведьмак сжал зубы и приподнял голову. Орочиха сняла повязку. От раны остался длинный бугристый шрам, пересечённый грубыми нитками. Итан не поверил глазам. Такие раны даже у магов быстро не регенерируются, хоть и с помощью постороннего колдовства.

– Ты шаманка? – спросил он уже мирно, с интересом разглядывая поджарую фигуру.

Орки по природе были коренастыми, низкими. Плотные и корявые, при взгляде вызывающие ощущение, как будто создатель пытался скрестить дерево и ишака. А вышло то, что вышло.

Девица же была худой, высокой для степного народа, ростом с человеческого мужчину. Жилистая, с загорелой и грубоватой из-за вечного ветра этих земель кожей. Чёрные волосы переплетались в маленькие блестящие косички.

– Нет, я же не мужик. Чего пялишься? – она вызывающе задрала длинный, с горбинкой, нос и чуть приподняла губу, демонстрируя клыки. – Что забыл в Великих Степях, маг?

Итан пожал плечами.

– По делу.

– Если делом было убить сына вождя Степных Вепрей и опозорить честь племени, то твои дела плохи. И я зря с тобой столько вожусь, ты всё равно не жилец.

Она обработала рубец и сняла швы. Критически оглядела его разбитую рожу.

– Морду не трогала, сама заживёт. Или помочь?

Мужчина отказался. Тогда девица вручила ему почищенную одежду и сапоги. Последние отдала, окинув напоследок завистливым взглядом. Сапоги и правда были хорошие, дорогие, сделанные по специальному заказу.

– Убить? Когда я драпал, он был ещё вполне себе жив, правда не очень цел. Мы сразились в честном поединке. Ему не повезло, – ответил ведьмак на вопрос, неспешно натягивая штаны.

Девица скосила глаза. Высокий, с широкой, покрытой светлыми волосами грудью, человек показался ей весьма привлекательным.

Сама она, по меркам орочьего племени, была совсем не красавица. Полукровка, да ещё колдунья. В жёны такую мало кто из их общины захотел бы взять.

А она и не о муже мечтала. Ведьмак задал болезненный

для девушки вопрос. Шаманом племени мог быть только мужчина, уже долго поживший и заслуживший одобрение орочьих богов. И не имело значения, что часто шаманы не то что дождь, простой гнойник заговорить не могли.

Силы девушки хватило бы на помощь сородичам в самых разных вопросах. Но её никто не просил.

«Бабу вообще о чём-либо просить и давать сложные поручения – себя не уважать. Так у нас, у орков, заведено» – любили поучать молодое поколение орки постарше.

– Как тебя зовут, маг? – женщина приподняла бровь. – Хоть скажи, куда отправить письмо с соболезнованиями, когда твою голову насадят на копьё.

Наёмник ответил насмешливым взглядом зелёных глаз.

– Итан. И твоим соплеменникам придётся потрудиться.

– Потрудились уже, – хохотнула девица. – Рания. Пошли.

Совет племени прошёл быстро. Весть о чужаке, пролившем кровь в землях Великой Степи, дошла до Лунных Волков быстро. И старейшины приняли решение передать пленника соседям.

Оскорблённый главарь Вепрей должен был прибыть утром, чтобы казнить обидчика лично. А голову отправить струсившему перед поединком чести эльфийскому принцу.

Итана даже не спросили ни о чём. Когда они с девушкой пришли на совет, сзади на голову мужчины тут же опустилась тяжёлая орочья дубина.

Рания беспомощно проводила глазами бесчувственное тело человека, которое пара воинов потащили в яму для преступников.

Веки тяжело поднялись.

«В какой раз за пару суток?» – Итан сел. Нога ныла, пришибленная голова – ещё сильнее.

Наёмник посмотрел вверх, прикинул высоту ямы. Нет, сам не вылезет. И магии внутри всё ещё не чувствуется.

«Травки, всё орочьи травки» – догадался он.

Внезапно сверху донёсся глухой удар. А потом звук падения. Над краем ямы показалась знакомая голова.

– Держи, – верёвка скользнула в руки.

Дважды предлагать не пришлось. Итан буквально выпорхнул из ямы. И тут же получил поводья от запряжённой небольшой степной лошадки.

– Скачи на запад, вон по той звезде. До границ недалеко, к утру почти доберёшься, – она быстро отвернулась и направилась было к шатрам.

Итан схватил степнячку за руку.

– Поехали со мной. Есть ещё лошадь?

Рания отмахнулась.

– Что мне делать у людей? Меня никто не примет, никуда даже прислугой не возьмут. Ты мою рожу видел?

Но ведьмак её не отпустил, а заставил девушку поднять на него карие глаза.

– А здесь принимают? Ты родилась в степях, но для орков всегда была и останешься чужой. Хочешь закончить жизнь тут, так и не почувствовав её настоящий вкус? На моей земле с твоими способностями к магии можешь хоть лекарством заниматься, хоть по найму на тракте мечом махать, что, для колдунов дел мало? Поехали со мной, Рания.

Её лицо дрогнуло. Орочиха непонимающе обернулась, и Итан увидел торчащий из тела девушки короткий нож. И наконец заметил давно очнувшегося стражника, а тот уже вытаскивал из ножен второй клинок.

Ведьмак одним движением оказался рядом с орком. Короткая схватка, и степняк снова рухнул на землю.

Времени не осталось. Итан подхватил девицу поперёк живота и перекинул через седло. Взобрался сам и послал лошадь вскачь.

«И пусть окажется, что степные кобылы и впрямь самые сильные и выносливые».

Рания с наслаждением сделала глоток. Горячий напиток приятно обволакивал горло.

– Грог. Земляные тролли научили, – одобрительно кивнул Итан и хитро посмотрел на неё. – Итак, с чего начнёшь новую жизнь?

Она улыбнулась. Это было самым глупым решением – довериться этой заросшей человеческой роже. Но самое удачное в её жизни.

– Ну… во-первых, мне нужны сапоги.

О чём молчат лошади

Торговцы и гости ярмарки изнывали от полуденного зноя. Весь этот жужжащий, гомонящий на разные голоса людской рой, казалось, замедлился.

Даже заядлые спорщики, обычно до последнего отстаивающие каждый медяк, сегодня почти без возражений снижали цену. Лишь бы поскорее сбыть товар и оказаться подальше от невыносимого пекла.

Я старался обходить подобные толпища, но в этот раз заглянул. Или пришлось бы идти пешком почти до самых границ с Предгорьем.

Очередная моя лошадь не пережила встречи с местной нечистью. И сейчас её останки где-то в полудне езды отсюда догрызали точно не чаявшие такого подарка судьбы волки.

Издержки профессии практикующего мага. Это не говоря про вечно дырявые куртки, утонувшие сапоги и остальную мелочь.

А ведь предлагали же спокойную должность на кафедре некромантии. Знай себе веди лекции, таскай студентов на кладбище, показывай штатных мертвяков. Сказка! Нет, мне, идиоту, надо было обязательно доказать, что я не книжный червь, а настоящий маг. Которого, как известно, ноги кормят. Поэтому он вечно голодный, ворчливый и недовольный. Примерно в таком настроении я наконец нашёл нужные

мне ряды.

– Коня присматриваете, господин маг? – человека моего ремесла люди распознавали сразу. Даже в самых глухих деревнях и весях.

«Наверное, по вечно недовольной роже!» – однажды ответил на моё недоумение по этому поводу знакомый наёмник. Тоже, кстати, маг.

– Во, гляньте, у меня жеребец какой! Красавец! – предложения посыпались со всех сторон.

Я же спокойно скользил взглядом от одной лошади у коновязи к другой. А вот и то, что надо. Молодая кобыла понуро стояла у бревна, задумчиво пережёвывая привязь. Породистая, но без лоска и порядком исхудавшая. Давно, видать, продают.

– Почём? – спросил я у хозяина, худого, вороватого вида мужика. Тот заметно оживился. А остальные отчего-то стали подхихикивать.

– Дёшево отдам, за пару золотых всего! Смешная цена за такую породистую кобылку.

Я с сомнением оглядел лошадь ещё раз.

– А чего так?

Смешки со стороны стали громче.

– Вы не подумайте, господин маг. Просто с норовом скотинка. Упрямая.

– Аки степной ишак! – не выдержав, заржал в голос его конкурент. – Он её, небось, с богатого двора свёл и третью

неделю сюда таскает. Всех покупателей покалечила, с кем этот пройдоха сговорился. Чуть коновязь не своротила, почти сама удушилась. Бешеная она, как есть бешеная.

– Да что ты брешешь! Вон, стоит спокойно животина, – аж подпрыгнул от возмущения тощий. – Вы не думайте, господин маг…

– И не думаю, – купить породистую лошадь за такую смешную цену я счёл большой удачей. – По рукам.

«А с норовом я уж как-нибудь разберусь».

Когда я приблизился, кобылка резко встряхнулась. Обвела меня взглядом и сердито зафырчала. «Тише, девочка, тише» – ладонь плавно опустилась на рыжую морду. Глаза животного осоловели. И лошадь послушно дала свести себя с привязи под изумлёнными взглядами торговцев. А я уже торопился к выходу с ярмарки.

К вечеру жара немного спала, даже появился лёгкий приятный ветерок. Передвигаться по прямому тракту вместо ухабистых деревенских дорог или заросшей чащи было одно удовольствие.

Кобылка под чарами шагала мягко и послушно. Рыжая грива в закатных лучах переливались огненными всполохами.

К месту стоянки я прибыл даже раньше, чем рассчитывал. Привязал и расседлал лошадь и устало потопал к ручью. Холодная вода остудила сгоревшие щёки и нос, принесла та-

кую желанную бодрость уставшим ногам. Я сменил наконец пыльную и потную рубашку и побрёл обратно. Осталось напоить свою спутницу. Лошадь за это время немного отошла от чар и встретила меня весьма насторожённо.

– Да не бойся, дурочка, – я тихонько похлопал по напрягшемуся боку. – Не обижу. Пойдём, пить поди хочешь.

Она поразмыслила немного, но пошла за мной.

Поход к воде обошёлся без неожиданностей, но стоило вернуться и попытаться снова привязать животное, как кобыла заартачилась. Завертела мордой, пару раз попыталась цапнуть меня за руку и мстительно пнуть в самое чувствительное место. Как будто специально целилась. Пришлось снова прочитать заговор.

«Никуда не годится, на одних чарах далеко не уедем» – думал я, устраивая место для ночлега с надеждой хорошенько выспаться.

Ведь утром ожидала важная встреча.

Утром, едва взглянув на лошадиную морду, я сразу понял – обиделась. Демонстративно повернулась задом и отказалась со мной разговаривать. Вот же упрямая скотина. Махнув на неё рукой, я собрался и, не торопясь, уселся завтракать. По пути сюда я оставил на тракте пару заклинаний-маячков, так что приближение гостей засек задолго до того, как всадники въехали на поляну.

Их были трое. Две фигуры в дорогих плащах с капюшона-

ми – определённо, мужчина и женщина знатного происхождения. Третий – воин, в лёгкой дорожной куртке, с ухмылкой через всю бородатую рожу.

Всадники спешились.

– Господин Лорен, рады вас приветствовать, – донёсся низкий голос из-под капюшона. – Надеюсь, наши договорённости в силе, и мы можем рассчитывать на полную секретность?

– Он – могила, ваша светлость, некромант же, – хохотнул наёмник, довольный получившейся шуткой.

Я же сухо ответил: «Да». Распинаться не было смысла, дело предстояло плёвое. Но хорошо оплачиваемое.

Неделю назад в таверне я встретил знакомого ведьмака-наемника.

– Тут ищут хорошего мага, неболтливого. Который сможет вникнуть в суть щекотливого положения некой знатной дамы так, чтоб это положение безболезненно разрешить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.